

-
- ¹ *Арне Т.Й.* Барсов Городок. Западносибирский могильник железного века. Екатеринбург—Сургут, 2005. С. 60.
- ² *Генинг В.Ф.* Деменковский могильник — памятник ломоватовской культуры // ВАУ. Вып. 6. Екатеринбург, 1964. С. 101.
- ³ Археология республики Коми. М., 1997.
- ⁴ *Fodor I.* In Search of a New Homeland. The Prehistory of the Hungarian People and the Conquest. Corvina Kiado, 1982. илл. XI.
- ⁵ *Казаков Е.П.* Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань, 2007. С. 23.
- ⁶ *Чурилова Л.Н.* Погребение с серебряной маской у с. Манвеловка на Днепропетровщине // СА. 1986. №4.
- ⁷ *Оборин В.А.* Отчет о работе археологической экспедиции ПГУ и Коми-окружного краеведческого музея в июле 1961 г. РА ИА РАН, р1 № 2280. 1962. С. 34–35.
- ⁸ *Казаков Е.П.* Указ. соч. С. 23–24.
- ⁹ *Fodor I.* In Search of a New Homeland. The Prehistory of the Hungarian People and the Conquest. Image 29; 1, P. 60.
- ¹⁰ Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). Екатеринбург, 1999. С. 47.
- ¹¹ Там же. С. 55.
- ¹² *Кутаков Ю.М., Старков А.В.* Пылаевский грунтовый могильник (предварительная публикация) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 1. Екатеринбург, 1997. С. 137, Рис. 17.
- ¹³ Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье. Екатеринбург — Салехард, 2005. С. 211–212.
- ¹⁴ *Казаков Е.П.* Чияликская культура: территория, время, истоки // Угры. Материалы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие угорских народов Западной Сибири». Тобольск, 2003. С. 80.
- ¹⁵ *Казаков Е.П.* Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М., 1978. С. 84.
- ¹⁶ *Карьялайнен К.Ф.* Религия югорских народов: Пер. с нем. Н.В. Лукиной. Т. 1. Томск, 1994. С. 76–77.

БОТАЛОВ С.Г. (Челябинск)

К новым релевантным подходам в сарматской археологии

Накопление и структурирование конкретного археологического материала и историческая интерпретация имеющихся данных представляют

собой две последовательные и логично связанные процедуры археологического исследования. Как это ни парадоксально, но во взглядах археологов-сарматоведов, опирающихся на достаточно обширную и хорошо известную источниковую базу, отсутствует полное единство по интерпретации исторических процессов, проходившие в раннем железном веке в степной зоне Средней Евразии. Абсолютная приверженность к схемам историко-культурного развития, предложенным 50 и более лет назад, консервативность и негласное засилие стадийных и автохтонистских представлений основных исследователей, взявших на себя роль идейных координаторов сарматской археологии, привели ее к затяжному релевантному кризису.

Попытаемся коротко охарактеризовать историко-культурный облик отдельных этапов развития кочевого населения южноуральских степей, как демонстрацию нового подхода, взамен существующей схеме монокультурного (сарматского) стадийного развития.

В конце VI–V вв. до н.э. южноуральское пограничье становится ареной сложнейших этнокультурных трансформаций, в результате которых происходит сложение условно называемой «древнепрохоровской культуры». Это результат встречных потоков населения двух кочевых суперобщностей скифо-савроматской — с запада и сако-масагетской — с востока, юго-востока. Еще один компонент древнепрохоровского культурогенеза — местное смешанное палеоугорское и североиранское лесостепное население, оставшееся в пределах Притоболья и Поиртышья с эпохи финальной бронзы.

Сегодня у большинства исследователей не вызывает возражений наличие скифского западного компонента. В части другого — сакского компонента — заметим, что влияние культуры приаральских саков (по А.Д. Таирову) на южноуральский регион было опосредованным. Районы Приаралья являлись лишь западной провинцией большого мира саков Притяньшанья, основной культурно-генетический очаг которых был расположен восточнее предгорий Центрального и Западного Тяньшанья в районах Или и Хами. Памятники, составляющие эту общность, наряду с другими раннесакскими комплексами VII–IV вв. до н.э. демонстрируют то культурное многообразие саков Синьцзяна, о котором указывалось К. Дебэн-Франкфор (1989). Существующие яркие параллели в погребальном обряде и вещевом инвентаре сакских комплексов Синьцзяна и Приаралья позволяют предполагать, что проникновение позднесакского населения конца VII–V вв. до н.э. происходило вначале с востока вдоль Северного Притяньшанья и бассейна Сырдарьи, а затем в пределы Южного Урала.

В отношении лесостепного компонента мне импонирует подход А.Д. Таирова. Он существенно корректирует точку зрения М.Г. Мошковой и устанавливает значительное влияние в формировании гороховской и саргатской культур кочевников. Это предопределило наличие тесных культурно-хозяйственных связей степных и лесостепных племен Зауральской и Западной Сибири. К сказанному следует добавить, что, по

нашему мнению, изначально гороховский и саргатский культурогенез — это явление единого порядка. Искусственное дробление единой угорско-сарматоидной историко-этнографической общности Зауралья и Западной Сибири на многочисленные культуры, добавьте сюда еще целый ряд аналогичным образом сосуществующих культурных типов памятников, не позволяет взглянуть на историю этого региона в целом.

События, произошедшие в последующий период, отличаясь по своему характеру и конкретной исторической фабуле, повторяют единый механизм межэтнических взаимодействий и перемещений. Будь то исход «прохоровского» (раннесарматского) населения в IV–III вв. до н.э. из Южного Зауралья в Волгодонье и далее в Северное Причерноморье и Подунавье (*Верхние Аорсы, Аорсы, Аланорсы...*) и приход новой протоаланской юэчжийской волны в оазисы Средней Азии и Южного Казахстана (Лявандакский тип) и в Урало-Казахстанские степи в конце III–I вв. до н.э. На этом остановимся особо.

Сарматоведы яростно выступили против попытки В.Ю. Зуева модернизации сарматской археологии. Притчей во языцах обернулся неудачно выбранный и не подтвержденный на материале как очевидный парадокс некий «хиатус» III в. до н.э. Коллеги-сарматоведы вольно или невольно изначально отказались принимать тот факт, что эпоха суперкультур, развивающихся стадильно на местной основе в режиме автотонного эволюционирования, уже проходит. В своих основных положениях оппонент лишь хотел привлечь особое внимание исследователей на веховые инокультурные рубежи в развитии сарматской (или может быть просто кочевой) общности Срединной Евразии. Первый из них происходит в VI–V вв. до н.э., после чего появляются памятники, относящиеся к «обычной скифоидной культуре, тяготеющей к сако-массагетскому миру» (по В.П. Глебову). В.Ю. Зуевым предложено отнести их к филипповской культуре. В действительности об этнокультурном и типологическом своеобразии этих памятников справедливо указывалось и ранее.

Не вызывает возражений и другое положение В.Ю. Зуева о выделении из общего ряда комплексов II–I вв. до н.э., появление которых связано с новыми «этническими инновациями», обусловленными «вторжением на территорию Приуралья и Поволжья во II в. до н.э. новой волны ираноязычных кочевников» (по А.С. Скрипкину).

Аналогичная этнокультурная трансформация происходит в пределах I в. н.э. Она связана с переселением аланов Восточного Туркестана в Среднюю Азию (алано-кангуйский историко-культурный комплекс) и затем в Предкавказье и Волго-Донье (памятники терекско-дагестанской группы и среднесарматского этапа). В последующем вторжение раннегуннского населения в Урало-Казахстанские степи приводит к длительному противостоянию гуннов и аланов на уральском пограничье (II–IV вв. н.э.). Однако, распутывание этих тематических узлов, также не обошлось без историографических курьезов. Так, высказанная еще в 50-х годах мысль Л.Г. Нечаевой о поразительном сходстве катакомб Притере-

чья и Средней Азии и среднеазиатско-массагетском происхождении алан в целом не вызывала сомнений среди археологов-аланистов. В начале 90-х гг. в интереснейшей работе Н.И. Берлизов и В.Н. Каминский попытались проиллюстрировать данную гипотезу на широком фоне материалов из Средней Азии и Предкавказья. Эта попытка натолкнулась на жесткую критику со стороны Ю.А. Заднепровского (1994), практически отвергшем эту идею. Вскоре после того появилась работа И.В. Сергацкова (1998), где не только убедительно достроена историко-археологическая аргументация, но и показан маршрут миграции аланского населения — из Средней Азии в Восточную Европу, по южному побережью Каспийского моря через Гирканию и Кавказ.

Что же касается памятников раннегуннского (гунно-сарматского) периода, то здесь сохранение за ними в целом названия позднесарматских (позднесарматская культура), на наш взгляд, является фактом крайнего стадияльного анахронизма. Кардинальная смена археокультурного облика больших районов Нижнего Поволжья и Урало-Казахстанских степей, появление совершенно особого населения с непохожим на предшествующий обликом материальной культуры в середине II в. н.э., не способны и по сей день сломать устоявшийся сарматоведческий кодекс. Это тем более странно, так как на данные гуннские особенности позднесарматских памятников неоднократно обращал внимание классик сарматоведения К.Ф. Смирнов (1950, 1953, 1954, 1959).

Вышесказанное иллюстрирует назревшую необходимость иного похода к старым устоявшимся схемам социокультурного развития, вплоть до отказа от них. Прежние методологические подходы предполагающие целесообразность выделения и определения атрибуции культур, общностей, типов и т.д. должны уступить место исследованиям в рамках намечающихся историко-культурных этапов. Они устанавливаются по конкретным палеоэкологическим или социо-историческим эпохальным изменениям, происходящим поступательно или спонтанно в рамках тех или иных историко-этнографических общностей и вмещающих их ландшафтов. При этом автор отнюдь не склонен отказываться от определения культура или культурный тип как от бесценного понятийного инструментария археологической исследовательской «кухни». Весь вопрос до какого предела? Возможно, предлагаемый подход не нов, тогда сами собой напрашиваются два логичных вывода: либо это то новое, которое оказалось хорошо забытым старым, либо мы не поспеваем за научными вызовами нового века и постигаем насущные исследовательские потребности с опозданием ровно на шаг.